

И.Н. Смирнов

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург

**Признак временной локализованности / нелокализованности
действия в аспектуальной семантике русского глагола***

Аннотация: Статья включается в то направление функциональной грамматики (грамматика функционально-семантических полей и категориальных ситуаций), которое разрабатывается Санкт-Петербургской аспектологической школой и представлено работами А.В. Бондарко и его учеников. В статье рассматривается выражаемое в русском языке противопоставление временной локализованности / нелокализованности действия, существенное для определения семантического потенциала глагольных форм несовершенного и совершенного видов.

This article joins in the stream of the Functional Grammar (the grammar of function-semantic fields and the grammar of categorial situations) that is worked out by the scientists of the Saint-Petersburg aspectological school and is represented by the works of A.V. Bondarko and his disciples. The article examines the contraposition of the temporal localizing / non-localizing of action existing in Russian language that is rather essential for the definition of semantic potential of verbal forms of perfective and imperfective aspects.

Ключевые слова: функциональная грамматика, функционально-семантическое поле, категориальная ситуация, аспектуальность, аспектология, вид, временная локализованность / нелокализованность действия.

Functional grammar, functional-semantic field, categorial situation, aspectuality, aspectology, aspect, localizateness / nonlocalizateness of action in time.

УДК: 811.

Контактная информация: Санкт-Петербург, Тучков пер., 9. ИЛИ РАН, отдел теории грамматики. Тел. (812) 3281612. E-mail: igor_smirnov@bk.ru.

1. Категория вида, занимающая центральное положение в грамматической системе русского глагола и получающая облигаторное выражение во всех глагольных формах, самым тесным образом связана с глагольной лексикой, словообразованием и взаимодействует с другими категориями: времени (в первую очередь), залога, лица, наклонения. Видовые формы, таким образом, выходят в своем функционировании за пределы собственно морфологии и, как отмечает М.А. Шелякин, «оказывают влияние на синтаксическое построение словосочетаний, предложений и целостных текстов» [Шелякин, 1983, с. 3].

Тесная связь категории вида с элементами других уровней языка отразилась и в терминологическом аппарате. Наряду с термином «вид», называющим грамматическую категорию как систему противопоставленных друг другу рядов морфологических форм совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) видов, для обозначения характера распределения действия во времени А.В. Бондарко был предложен термин «аспектуальность».

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Президента РФ, грант НШ-3433.2010.6 «Петербургская школа функциональной грамматики».

Аспектуальность понимается и 1) как семантический категориальный признак «характер протекания и распределения действия во времени», и вместе с тем 2) как группировка функционально-семантических полей (ФСП), объединенных этим признаком.

Понятие ФСП, базирующейся на семантической категории системы языковых средств, является чрезвычайно важным для аспектологии, так как дает основание для анализа функций единиц разных языковых уровней.

Обратим внимание, что во второй части приведенного выше определения аспектуальность названа *группировкой* ФСП. В состав этой группировки входят поля лимитативности (предельности), длительности, кратности, фазовости и отчасти – временной нелокализованности, каждое из которых особым образом выражает характер протекания и распределения действия во времени.

Описание типов, разновидностей и вариантов того или иного значения возможно лишь при анализе конкретных речевых произведений: от единичного высказывания до целого текста. Именно в речи сочетаются парадигматические и синтагматические отношения. Поэтому для той модели функциональной грамматики, в рамках которой выполнено настоящее исследование, актуальным оказывается понятие категориальной ситуации (КС) – выражаемой различными средствами высказывания типовой содержательной структуры, а) базирующейся на определенной семантической категории и образуемой ею в данном языке ФСП; б) представляющей собой один из аспектов общей ситуации, передаваемой высказыванием, одну из его категориальных характеристик (аспектуальную, темпоральную, модальную, локативную и т.п.) (о КС см. [Бондарко, 1987]).

2.0. Современная аспектология – это наука (в рамках которой существуют различные школы), имеющая свою историю, традиции и значительные достижения.

Однако онтологическая сложность аспектуальных значений, многообразие форм и способов их выражения, а также разные подходы к их изучению не позволяют прийти к однозначным выводам. До сих пор не утрачивает своей остроты дискуссия о составе аспектуальных полей, о способах глагольного действия (СД), о семантическом потенциале форм СВ и НСВ, о возможности / невозможности выделения их инвариантных значений, о системе частных видовых значений, о критериях выделения новых функционально-семантических категорий, пересекающихся с аспектуальностью, таких как, например, категория временной локализованности / нелокализованности действия или категория временного порядка.

Ср. подходы А.В. Бондарко и Е.В. Падучевой к определению общих и частных значений СВ и НСВ.

По мнению Е.В. Падучевой, «каждая из двух видовых форм имеет простой семантический инвариант. Форма СВ всегда описывает ситуацию изменения, т.е. предполагает момент, когда некоторое положение вещей не имело места, и момент, когда имеет (или наоборот). Форма НСВ описывает ситуацию в ее развитии во времени, т.е. как проходящую через ряд последовательных временных фаз. Все те частные видовые значения, которые служат основным объектом рассмотрения в аспектологии, возникают из взаимодействия общего инвариантного значения видовой формы с контекстом – лексическим, синтаксическим, ситуативным» [Падучева, 1996, с. 24]. Таким образом, контексты играют существенную роль в выражении частных видовых значений. Некоторые контексты могут даже не укладываться в инвариант видовой формы, как, например, в ситуациях «вневременного» действия (*Рыбы дышат жабрами*).

А.В. Бондарко не определяет инварианта видовых форм. Он рассматривает их семантический потенциал, используя в качестве критериев систему дифференциальных признаков (см.: [Бондарко, 1971; 2002]). Частные видовые значения анализируются как результат взаимодействия общих, категориальных, значений (однозначное определение которых затруднительно) видовых форм глагола и эле-

ментов среды (как парадигматической, так и синтагматической). Видовая форма является лишь одним из средств выражения. Отличия между значениями видовой формы определяются элементами среды. Особо подчеркнем то обстоятельство, что, на наш взгляд грамматические формы СВ и НСВ являются все же основными (базовыми) носителями тех или иных «частных» видовых значений. Ни один контекст не может навязать форме несвойственного ей значения; контекст позволяет лишь реализовать имеющийся у формы семантический потенциал.

2.1. К частным значениям СВ, по мнению А.В. Бондарко, относятся следующие:

- 1) конкретно-фактическое (*Отец открыл окно; Я расскажу об этом завтра*);
- 2) наглядно-примерное (*Бывает же, вот так утром побрееешься, умоешься, оденешься – заглянешь в зеркало – останешься довольным*);
- 3) потенциальное (*Женщины! Кто их поймет; Без труда не вынешь рыбку из пруда*);
- 4) суммарное (*Она дважды хлопнула в ладоши; Он переломал все стулья в доме*).

Основным частным значением СВ является конкретно-фактическое. Форма СВ обозначает единичное действие, которое совершилось в прошлом (до момента речи) или обязательно совершится в будущем. Конкретно-фактическое значение СВ в наименьшей степени зависит от контекста.

Остальные значения – вторичные; они представляют собой обусловленную контекстом неединичности модификацию семантики конкретного факта.

Формы СВ в наглядно-примерном значении обозначают повторяемость, типичность действия на примере одного «наглядного» осуществления: *побреешься, умоешься ... – останешься довольным* и так *бывает* иногда, в какие-то дни. Наличие оттенка типичности лишает конкретный факт определенной временной локализованности и представляет его в потенциальной неограниченной повторяемости. Это значение реализуется, как правило, в полипредикативных конструкциях формами настоящего-будущего (простого будущего) СВ. Формы прошедшего времени употребляются в подобных контекстах значительно реже.

Формы СВ в потенциальном значении (как правило, это формы настоящего-будущего времени) также не выражают единичности действия. Они обозначают принципиальную возможность (невозможность), необходимость осуществления факта, способность (неспособность), готовность (неготовность) субъекта осуществить действие.

В суммарном значении представлено взаимодействие единичности и многократности (ограниченной, суммарной кратности). Несколько осуществившихся действий интерпретируются как единый результат, сумма, конкретный факт.

2.2. У НСВ А.В. Бондарко (см.: [Бондарко, 2002, с. 381–391]) выделяет следующие частные значения:

- 1) конкретно-процессное (*Я писал письмо, когда он вошел*);
- 2) неограниченно-кратное (*Я часто ему писал*);
- 3) обобщенно-фактическое (общефактическое) (*Кто это писал?*);
- 4) ограниченно-кратное (*Я писал ему дважды*);
- 5) реляционное (постоянно-непрерывное) (*Преобладают явления иного рода*);
- 6) потенциально-качественное (*Он прекрасно пишет*);
- 7) нейтральное («неквалифицированное») (*Я хочу спать; Я вам верю*).

Основным значением НСВ является конкретно-процессное, в терминологии Е.В. Падучевой – актуально-длительное.

Формы НСВ в конкретно-процессном значении обозначают конкретное единичное, «эпизодическое» (см. [Hansen, 1996]) действие, наблюдаемое, локализованное во времени, представленное в процессе своего осуществления. Это означа-

ет, что в конкретно-процессном значении не могут употребляться глаголы, называющие действия, не имеющие конкретной временной локализованности, к которым нельзя применить вопрос: *Что ты сейчас делаешь?* Речь идет о стативных, в терминологии З. Вендлера (см. [Vendler, 1967]), глаголах, выражающих устойчивые (*любить, знать, желать*) и обобщенные (*царствовать, странствовать*) состояния. Не допускают актуального употребления глаголы отношения (*иметь, зависеть, содержать*). Не могут выступать в конкретно-процессном значении и глаголы многократного способа действия (*сидживать, хаживать* и т.п.). Список «запретных» для конкретно-процессного употребления глаголов можно продолжать достаточно долго. Впрочем, вопрос о соотношении понятий конкретной процессности и актуальной длительности представляется более сложным, чем отмечалось до сих пор. Возможно, актуально-длительное значение является одной из разновидностей конкретной процессности наряду с подчеркнуто-длительным (континуальным) и конативным значениями.

Формы НСВ в неограниченно-кратном значении представляют действие как неограниченный (множественный) ряд повторений. Существуют классы глаголов, семантика которых легко сочетается с неограниченной кратностью. Таковы, например, глаголы НСВ моментального осуществления действия (*приходить, приносить*), не способные употребляться в конкретно-процессном значении, глаголы неопределенного движения (*ходить, летать*) и некоторые др. Характер неограниченной повторяемости может выражаться в высказывании лексическими показателями: *иногда, редко, часто, по понедельникам, каждую субботу* и т.п.

Формы НСВ в обобщенно-фактическом значении указывают на сам факт наличия или отсутствия действия. Каким было это действие: кратковременным или длительным, единичным или многократным, повторяющимся, – не важно. Ср. два высказывания: а) *Мы вчера долго говорили об этом*; б) *Мы уже говорили с ним об этом*. В первом высказывании представлена конкретно-процессная ситуация. Действие совершалось в прошлом по отношению к моменту речи; однако наблюдатель (говорящий) описывает его с синхронной точки зрения (точки отсчета, наблюдения). Наблюдатель находится как бы в прошлом, в момент осуществления действия (о временной позиции наблюдателя см.: [Падучева, 1996; Гловинская 2001]), и представляет его как длительное, в процессе непосредственного разворачивания. Для обобщенно-фактических ситуаций характерна ретроспективная точка отсчета (наблюдения). Так, во втором (б) высказывании момент речи и точка наблюдения не совпадают, здесь нет «переноса» наблюдателя в прошлое; здесь нет, собственно говоря, никакого наблюдения – представлена только самая общая констатация действия.

Формы НСВ в реляционном (постоянно-непрерывном) значении обозначают действие, осуществляющееся не в конкретный момент времени, а постоянно. Такое действие не является конкретным, не может быть охарактеризовано как единичное. Но в то же время постоянно-непрерывное действие нельзя назвать многократным, неограниченно повторяющимся или обобщенным. Действие как бы постоянно принадлежит субъекту и является его неотъемлемой характеристикой: *Санкт-Петербург стоит на Неве; Сколько стоит этот костюм?* Формы глаголов в подобных конструкциях Е.В. Падучева называет атемпоральными, выражающими «вневременное» значение.

Потенциально-качественное значение тесно связано со значением неограниченно-кратным. Формы НСВ в потенциально-качественном значении обозначают способность, умение субъекта совершать то или иное действие. Вывод об умении, способности делается на основании неограниченной повторяемости указанного действия. Так, в высказываниях типа *Она вяжет, шьет, играет на гитаре* основной качественной характеристики субъекта является повторяемость и обычность, типичность обозначаемых действий.

«Ограниченно-кратное значение в одних случаях может рассматриваться как производное от конкретно-процессного значения (*Я сегодня трижды поднимался по этой лестнице*), в других же – от обобщенно-фактического (*Его дважды предупреждали*) – все зависит от лексического значения глагола и от контекста» [Бондарко, 2002, с. 387]. В любом случае речь не идет о неограниченной повторяемости (итеративности) действия (ср. с суммарным значением СВ).

Нейтральное значение НСВ, выделяемое не всеми исследователями, интерпретируется как немаркированное с точки зрения признаков, актуальных для других частных значений, и не содержит в себе указания ни на процессность, ни на единичность, ни на повторяемость действия. Е.В. Падучева называет такие значения неактуально-длительными (континуальными).

Приведенные выше частные значения НСВ не составляют «закрытого» списка. Разнородность контекстов, многообразие специальных показателей делают возможными и иные классификации (ср. концепции М.А. Шелякина [Шелякин, 1983; 2001], А.А. Зализняк и А.Д. Шмелева [Зализняк, Шмелев, 2000] и др.).

На наш взгляд, путь к решению общих аспектологических проблем лежит через исследование частных вопросов, через анализ отдельных аспектуальных значений.

3.0. Одним из основных универсальных семантических различий в понятийном поле актуальности является различие Л/НЛ. В русском языке противопоставление Л/НЛ представляет собой один из основных критериев, по которому различается семантический потенциал форм СВ и НСВ (см. приведенную выше классификацию частных видовых значений) и который играет важнейшую роль (наряду с признаками, связанными с отношением действия к пределу) в закономерностях функционирования видов. Имеется в виду способность видовременных форм русского глагола участвовать в передаче значений актуальности, эпизодичности, временной локализованности действия, с одной стороны, а с другой, – неактуальности, обобщенности, временной нелокализованности: – *Как это случилось?* – *Как все случается*. Если формы НСВ характеризуются возможностью реализации обоих признаков (Л и НЛ), то формы СВ связаны преимущественно, хотя и не исключительно, с понятием локализованности.

Несмотря на длительную историю изучения указанного значения, единства в понимании ЛНЛ нет до сегодняшнего дня. По-разному толкуется само понятие локализованности. Соответственно по-разному строится классификация типов и вариантов КСЛ и КСНЛ.

3.1. Представители почти всех современных направлений противопоставление ЛНЛ признают в примерах типа: (Л) *Он писал, когда я вошел*; (НЛ) *Рука руку моет*. Данные примеры идеально иллюстрирует вывод Э. Кошмидера о существовании в языке двух групп фактов: конкретных, осуществляющихся в какое-то время, занимающих свое собственное, вполне индивидуальное место на линии времени, и абстрактных, не связанных со строго определенным, свойственным только им индивидуальным временем, то есть не обладающих своим «местоположением во времени», обладающих лишь общей значимостью (см. [Кошмидер, 1962]). Так, в первом примере представлена конкретная, наблюдаемая ситуация, а во втором – ситуация абстрактная. Таким образом, речь идет о противопоставлении локализованности и вневременности. Положение о том, что в ситуациях вневременности временная нелокализованность действия достигает своего предела является общепринятым в современной лингвистике. Однако в работах А.В. Бондарко и его учеников представлена более широкая интерпретация указанного противопоставления. Отмечен тот факт, что абстрагированность может иметь различную степень, поэтому в зоне НЛ, помимо уже названной вневременности, выделяются еще два типа: простая повторяемость и узуальность.

3.2. В значении простой повторяемости отражается ряд конкретных явлений действительности, наблюдаемых в определенный момент или отрезок времени, то

есть речь идет о неограниченной повторяемости действия в рамках конкретного эпизода. Ср. известный пример А.М. Пешковского: «...*посмотрите, что делает заяц: то вскочит, то ляжет, то перевернется, то подымет уши, то прижмет их*». В ситуациях простой повторяемости, таким образом, сложно взаимодействуют значения НЛ – неограниченной кратности (доминирующее) и Л – конкретности, ограниченности рамками одного эпизода (фоновое).

3.3. В ситуациях узуальности действия предстают отвлеченными от конкретного времени. Узуальность связана со значением обычной повторяемости и типичности действия для субъекта. Например: *Грушницкий со своей шайкой бушует каждый день в трактире и со мной почти не кланяется; Она запела: голос ее недурен, но поет она плохо...* (М. Лермонтов).

4. Не отрицая возможности выделения трех типов НЛ, мы полагаем тем не менее, что вариативность категориальных ситуаций Л и НЛ, в первую очередь, обусловлена двумя типами пересекающихся противопоставлений: а) единичности / неединичности (неоднократности, повторяемости) и б) конкретности / абстрактности. Два типа указанных противопоставлений пересекаются в зоне узуальности, что обуславливает ее семантическую неоднородность. Узуальность, на наш взгляд, делится на обычную (узуальную) повторяемость и типичность. Два типа узуальности характеризуются различным соотношением акциональных и квалитативных сем (см. [Люшинская, 1977]). Значение обычной (узуальной) повторяемости (ОП) характеризуется соединением сем реального действия и потенциального признака, а значение типичности (Т) (неполной обобщенности) соединением сем реального признака и потенциального действия. Ср.: (ОП) *Мальчишка аккуратнейшим образом опаздывает каждый день на два, на три часа* (А. Чехов); (Т) *Он малый не промах, никому не спустит* (А. Пушкин).

Таким образом, в двух типах НЛ (неограниченной повторяемости и обобщенности) выделяются ситуации четырех основных подтипов: ситуации простой повторяемости, ситуации обычной (узуальной) повторяемости, ситуации типичности действия и ситуации вневременности. Два последних подтипа можно определить как ситуации неполной и полной обобщенности. Еще раз подчеркнем, что такой подход не противоречит «троичной» классификации (простая повторяемость, узуальность, вневременность), представленной в работах А.В. Бондарко и его учеников. Это скорее еще одна возможность рассмотреть типы НЛ под новым углом зрения. Соотношение двух подходов можно представить следующей схемой.

НЛ			
1. Неограниченная повторяемость		2. Обобщенность	
1.1. Простая (конкретная)	1.2. Обычная (узуальная)	2.1. Неполная (типичность)	2.2. Полная (вневременность)
I. Простая повторяемость	II. Узуальность		III. Вневременность (гномичность)

Выделение на первом этапе анализа в семантической зоне НЛ ситуаций неограниченной повторяемости и обобщенности, на наш взгляд, в большей степени соответствует системе частных видовых значений. «Строевым» элементом ситуаций неограниченной повторяемости является неограниченно-кратное значение НСВ. В ситуациях обобщенности реализуются, как правило, потенциально-качественное значение НСВ и потенциальное значение СВ. Формы СВ в наглядно-примерном значении используются в ситуациях обоих типов.

Нейтральными по отношению к признакам Л/НЛ остаются постоянно-непрерывное и обобщенно-фактическое значения НСВ.

5.0. Значение НЛ и его типы описаны в современной литературе достаточно подробно (см.: [Смирнов 2001; 2008]).

К основным типам НЛ относятся: а) ситуации характеризованной и нехарактеризованной (с точки зрения регулярности и частотности) неограниченной повторяемости; б) узуальные ситуации констатируемой и интерпретационно-оценочной квалитативности; в) ситуации облигаторной и нерасчлененной квалитативности, а также вневременно-потенциальные ситуации.

Основными критериями для их выявления являются следующие: степень обобщенности субъекта (и объекта) действия, наличие / отсутствие пространственно-временных ограничителей, специальных показателей повторяемости (регулярности и частотности), квалитативно-модальных оттенков значения; способ отражения явлений объективной действительности (перцепция, фиксация, интерпретация, обобщение).

Менее изученным остается вопрос о типах ситуаций временной локализованности действия.

5.1. При построении типологии ситуаций временной локализованности (КСЛ) следует учитывать целый ряд дифференциальных семантических признаков. Первый из них – **точечность / линейность** локализации. Этот признак соотносится, прежде всего, с семантическим потенциалом видовых форм, взаимодействующих с темпоральной семантикой. Имеется в виду, с одной стороны, значение целостности действия, присущее формам СВ, и, с другой стороны, способность форм НСВ обозначать действие в процессе его развертывания во времени. Однако это не означает, что любое единичное действие, обозначенное глаголом СВ (конкретно-фактическое значение) получает в рамках конкретного эпизода точечную локализацию. О.Н. Селиверстова (см.: [Селиверстова, 1982]) отметила, что глаголы типа *постирать*, *поиграть*, *почитать* не могут выражать значения точечной локализации во времени. Значением точечной локализации не обладают также глаголы длительно-ограничительного, дистрибутивного и некоторых других способов действия: *проиграть* (весь день), *проболеть* всю зиму), *перебить* (все чашки).

Приведенные примеры нельзя интерпретировать как собственно линейную локализацию. Поэтому следует расширить классификацию КСЛ, выделив еще один тип – **ситуации точечно-линейной локализованности**. К этому типу можно отнести те высказывания, где глаголы НСВ выступают в актуально-длительном (по определению Е.В. Падучевой) значении: – *Что он сейчас делает?* – *Он сидит за столом и читает книгу*. Линейность локализации определяется семантикой НСВ, точечность связана с моментом речи.

Понятие точечности нуждается еще в одном уточнении применительно к перфектным ситуациям: *Солнце село*; *Он постарел* и т.п. В этих ситуациях выражается, на наш взгляд, точечность локализации, но не столько самого совершившегося действия (*сесть*, *постареть*), сколько момента восприятия наблюдателем-говорящим наступившего результата.

5.2. Вторым критерием классификации КСЛ является признак **объективности / субъективности** локализации действия. В ситуациях объективной локализованности позиция говорящего по отношению к самому действию и определению его временных координат пассивна (нейтральна). В ситуациях субъективной локализованности говорящий является субъектом локализации и местоположение действия на временной оси определяется с его точки зрения. Указанное различие можно проиллюстрировать следующими примерами: а) *Пушкин родился в 1799 году* и б) *Я открыл окно, и в комнату ворвался свежий ветер*. Первое из приведенных высказываний содержит в себе указание на общеизвестный факт, то есть, по сути дела, обладает самой «общей» референцией. И объективная локализованность действия в данном случае имеет также общий характер. Во втором же высказывании говорящий сообщает о наблюдаемых действиях (точечных, целост-

ных), совершенных им в определенный момент времени. Локализованность этих действий обусловлена, таким образом, уже самим фактом «присутствия» говорящего в ситуации и имеет субъективный характер.

Субъективность локализации может выражаться и другими способами, например, глаголами СВ интенсивно-результативного способа действия: доездиться, доиграться, заждаться и др. Такие ситуации обладают значением эмоциональной оценки; именно момент оценки того или иного действия или его результата получает точечную или точечно-линейную локализацию: – *Заждались мы тебя!* – говорят хозяева, приветствуя ее приезд. – *Слова молвить без тебя не с кем* (М. Салтыков-Щедрин).

Субъективной, на наш взгляд является и локализация ситуаций, в которых обозначается не действие, а особенность восприятия того или иного положения вещей: *Родная деревня появилась из-за леса совсем неожиданно* (В. Малышкин). Локализованность такого типа можно назвать собственно перцептивной.

5.3. И последний дифференциальный семантический признак, который используется для построения типологии КСЛ – **определенность / неопределенность** локализации. Речь идет о возможности / невозможности установления определенных (в различной степени) хронологических рамок локализации. Ср.: *Они провели вместе двенадцать часов кряду – с семи вечера до семи утра* (В. Некрасов); *Дедушка, а вы весь год здесь живете?* (В. Шукшин); *Он стал просыпаться, но за тот неуловимый миг, который заняло пробуждение, успел прочесть и запомнить постскриптум...* (В. Пелевин); *Почти весь вчерашний день наши пулеметы нарочно молчали, патроны экономили* (В. Некрасов).

Определенность / неопределенность локализации может быть связана и с особенностями темпоральной семантики: на наш взгляд, степень определенности хронологических рамок локализованного действия в высказываниях с формами прошедшего и настоящего времени, как правило, выше, чем в высказываниях с формами будущего времени.

Указанные дифференциальные признаки (точечность / линейность, объективность / субъективность, определенность / неопределенность локализации) взаимодействуют между собой; КСЛ классифицируются, таким образом, комплексно. Ср., например, несколько конкретных разновидностей рассматриваемых ситуаций:

а) ситуации объективной строго определенной точечной локализованности (*Пушкин родился в 1799 году*);

б) ситуации субъективной строго определенной точечной локализованности (*Телеграмму принесли ровно в семь*);

в) ситуации строго определенной линейной локализованности (*Всю зиму он прожил в деревне*);

г) ситуации слабо определенной точечной локализованности (*Он обязательно напишет вам письмо*);

д) ситуации слабо определенной линейной локализованности (*Он будет учиться в университете*);

е) ситуации строго определенной точечно-линейной локализованности (*Он сидит за столом и читает газету*);

ж) ситуации неопределенной точечной локализованности (*Письмо я уже написал*);

з) ситуации неопределенной линейной локализованности (*Он учится в университете*).

Классификация категориальных ситуаций локализованности на основании взаимодействующих дифференциальных признаков может быть продолжена; количество конкретных вариантов при этом увеличится.

Анализ временной локализованности / нелокализованности действия, субкатегоризация противопоставленных друг другу признаков позволяет более точно описать семантический потенциал видовых форм русского глагола.

Литература

- Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
- Бондарко А.В. Временная локализованность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Таксис. Л., 1987. С. 210–233.
- Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.
- Гловинская М.Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 105–167.
- Люшинская Е.Х. Функционально-семантическое поле кратности глагольного действия в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.
- Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.
- Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 86–157.
- Смирнов И.Н. Категория временной локализованности действия в современном русском языке. СПб., 2001.
- Смирнов И.Н. Выражение повторяемости и обобщенности действия в современном русском языке. СПб., 2008.
- Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола: Теоретические основы. Таллинн, 1983.
- Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка. М., 2001.
- Hansen B. Zur Grammatik von Referenz und Episodität. / Specimina Philologiae Slavicae. Supplementband 46. München, 1996.
- Vendler Z. Linguistics in Philosophy. Ithaca, N.Y., 1967.